

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

Сборник
в честь 60-летия
А.В. Лаврова

НА РУБЕЖЕ
ДВУХ СТОЛЕТИЙ

Научное приложение. Вып. LXXV

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

НА РУБЕЖЕ ДВУХ СТОЛЕТИЙ

Сборник в честь 60-летия
Александра Васильевича Лаврова

Составители

Всеволод Багно, Джон Малмстад, Мария Маликова

Москва: Новое литературное обозрение
Санкт-Петербург: Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН
2009

УДК 821.161.1.09Лавров А.В.
ББК 83.3(2Рос=Рус)53
Н12

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Научное приложение. Вып. LXXV

Художник серии *Н. Пескова*

Н 12 На рубеже двух столетий: Сборник в честь 60-летия Александра Васильевича Лаврова М.: Новое литературное обозрение, 2009. — 848 с., ил.

Сборник статей посвящен 60-летию Александра Васильевича Лаврова, ведущего отечественного специалиста по русской литературе рубежа XIX—XX веков, публикатора, комментатора и исследователя произведений Андрея Белого, В. Я. Брюсова, М. А. Волошина, Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус, М. А. Кузмина, Иванова-Разумника, а также многих других писателей, поэтов и литераторов Серебряного века. В юбилейном приношении участвуют виднейшие отечественные и зарубежные филологи — друзья и коллеги А. В. Лаврова по интересу к эпохе рубежа столетий и к архивным разысканиям, сотрудники Пушкинского дома, где А. В. Лавров работает более 35 лет. Завершает книгу библиография работ юбиляра, насчитывающая более 400 единиц.

УДК 821.161.1.09Лавров А.В.
ББК 83.3(2Рос=Рус)53

ISBN 978-5-86793-657-0

© Авторы. 2009

© Фото А. В. Лаврова — А. Балакин, 2007

© Художественное оформление. «Новое литературное обозрение», 2009

«КРЫЛАТЫЙ» ИЛИ «ЗЕМЛЯНОЙ»?

(К истории творческих взаимоотношений
А. М. Ремизова и «скифов»)

А. М. Ремизов, переживший многих литературных современников, в эмиграции часто вспоминал Александра Блока и Андрея Белого. Воображение рисовало их серафическими явлениями тайного мира: «Андрей Белый вроде как уж не человек вовсе, тоже и Блок, не в такой степени, а все-таки»¹; Блок — «нечеловеческий человек», «был вроде как не человек»²; Белый — «из современников единственный — “гениальный”»³; «синь плывет из его глаз, лицо сияет, образ любви за его спиной»⁴. Мысли о давних литературных друзьях сопровождались и авторефлексиями: «Крылатые Андрей Белый и Блок, а я с подрезанными на первый взгляд крыльями — где-то и чем-то мы соприкасались. Никогда не успокоенный, я чувствовал себя земляным, а Блока и Белого — небесными детьми»⁵. Определяя собственную природу как «земляную», Ремизов помимо ощущения личной схожести («где-то и чем-то») с «крылатыми» Блоком и Белым приносил в это суждение и некую стороннюю оценку («на первый взгляд»): кто-то поверхностно или тенденциозно посчитал его ущербным — утратившим способность летать.

Еще со времен Платона трансцендентная сущность свободной творческой природы отождествляется с бессмертной («крылатой») человеческой душой: «Будучи совершенной и окрыленной, она парит в вышине и правит миром...»⁶. Между тем закрепившаяся в памяти писателя метафорическая тема «крылатости» лишь отчасти обязана своим происхождением платоновскому мифу. В ноябре 1917 года историк русской общественной мысли, публицист и

¹ Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2003. Т. 10: Петербургский буерак. С. 331.

² Там же.

³ Там же. С. 129.

⁴ Там же. С. 194.

⁵ Кодрянская Н. Алексей Ремизов. Париж, [1959]. С. 128.

⁶ Платон. Федр // Платон. Соч.: В 3 т. М., 1970. Т. 2. С. 182

критик Иванов-Разумник написал статью «Две России», предметом рассмотрения которой стало ремизовское «Слово о погибели Русской Земли» — по собственному признанию автора глубоко ему по духу враждебное⁷. В основу «Двух России» была положена мифологическая картина, представляющая суть истории мира и революции как «борьбу бескрылых с крылатыми»⁸. Воодушевленный идеей духовной революции, критик настаивал на том, что «Революция» требует от каждого принципиального выбора: «где он и с кем он»⁹. Хотя на тот момент Иванов-Разумник и числил Ремизова среди «духовно крылатых», однако, по существу, обвинял его в том, что в «Слове...» писатель «льет <...> воду на мельницу бескрылых людей»: «он, взыскующий Града Нового, предает здесь высшие свои и человеческие ценности той самой “обезьяне”, о которой так много и так беспощадно сам же <...> писал»¹⁰. Спустя три месяца в письме к Андрею Белому, размышляя о судьбах творческой интеллигенции в революционную эпоху, критик окончательно отождествил Ремизова с «бескрылым», «враждебным станом»: «А сколько провалилось в бездну злобствования, отчаяния, непонимания, ненависти ко всему идущему и пришедшему! Ремизов, Сологуб, Мережковские, Пришвин — все там <...> Чувствую, что жутко было бы одному остаться лицом к лицу со всем вражеским станом; но чувствую и другое — что и тогда бы, один, не перестал бы делать и говорить то, что делаю и говорю. Как радостно, что Вы, что Блок — на этой же стороне пропасти!»¹¹

Черту разделения, проведенную Ивановым-Разумником в 1917 году, Ремизов воспринял болезненно — как клеймо вскипает на живой коже — и практически на всю оставшуюся жизнь. В мемуарном очерке 1953 года среди рассуждений писателя о незначительности своего творческого дарования читаем: «Я был с Блоком и Андреем Белым, но с первых же встреч я почувствовал мою бедность. В революцию Иванов-Разумник скажет обо мне, сравнивая с Блоком и Андреем Белым — “бескрылый”»¹². К этой же теме Ремизов вновь возвращается в одной из рабочих тетрадей 1955 года,

⁷ См.: Андрей Белый и Иванов-Разумник: Переписка / Публ., вступ. ст. и коммент. А. В. Лаврова и Дж. Мальмстада. СПб., 1998. С. 138.

⁸ *Иванов-Разумник. Две России // Скифы. Пг., 1918. Сб. 2. С. 231.*

⁹ Андрей Белый и Иванов-Разумник: Переписка. С. 103.

¹⁰ *Иванов-Разумник. Две России. С. 207–208.*

¹¹ Андрей Белый и Иванов-Разумник: Переписка. С. 158. Ср. письмо Белого от 18 сентября 1917 г.: «...после перового сборника я почувствовал себя воистину скифом: все направление (и политическое, и эстетическое) мне очень по сердцу» (Там же. С. 136).

¹² *Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 10. С. 217.*

но уже в связи с переживаниями официального замалчивания собственных произведений в России¹³: «“История русской литературы” девятнадцатого века и начало двадцатого, кончая 1917-м годом — какое кипение темных сил: в революцию — в 1917 году — я начал о “гибели русской земли” (“Взвихренную Русь”) да что же было мне с моим “наперекор”, неужели-то по-клюевски возгласить, спрятав под фуфайку крестильный крест: “революцию и Матерь Света в песнях возвеличим!” <...> Говорю это о себе, несколько не задирая нос и без всякой заносчивой мысли сравняться с моими недюжинными современниками, как Горький, Блок, Андрей Белый, Мейерхольд. Или старейшими, как Розанов. Я-то свое место определяю лучше всякого историка. “Незадачливое беспокойство”, да возможно, Иванов-Разумник прав: бескрылый или по Горькому: “рожденный ползать, летать не может”»¹⁴.

Изначально взаимоотношения А. М. Ремизова и Иванова-Разумника складывались вполне благополучно¹⁵. Критик был одним из немногих исследователей символизма, кто уже с начала 1910-х годов высоко оценил литературный масштаб Ремизова¹⁶. Именно в общении с Ивановым-Разумником, а также в изданиях, которые редактировал критик, Ремизов обрел постоянную платформу для своего творчества: «В России после годов “под коленку” я нашел себе пристанище: “Заветы” и “Скифы”. Иванов-Разумник принял меня безоговорочно, каков я есть».¹⁷ Сборник «Скифы», идея которого реализовалась после февраля 1917 года, по замыслу Иванова-Разумника, должен был стать творческим воплощением нового революционного мировоззрения. В 1917 году критик часто посещал квартиру писателя на Васильевском острове. Очевидно, что уже весной этого года Иванов-Разумник начал транслировать «скифскую» идею в ближайшем кругу друзей и знакомых.

¹³ См.: *Грачева А.* Творческие материалы А. Ремизова к книге Н. Кодрянской // *Europa orientalis*. Pietroburgo; Salerno, 2003. Vol. 4: Алексей Ремизов: Исследования и материалы. Р. 253—254.

¹⁴ *Ремизов А. А. R.* (Дом, отмеченный войной) / Публ. и примеч. А. М. Грачевой // *Ibid.* Р. 312.

¹⁵ Об истории отношений Ремизова и Иванова-Разумника см.: Письма Р. В. Иванова-Разумника к А. М. Ремизову (1908—1944 гг.) / Публ. Е. Обатниной, В. Г. Белоуса и Ж. Шерона; Вступ. заметка и коммент. Е. Обатниной и В. Г. Белоуса // *Иванов-Разумник: Личность. Творчество. Роль в культуре*. СПб., 1998. Вып. 2. С. 19—122, 244.

¹⁶ См.: *Иванов-Разумник. Творчество А. Ремизова* // *Иванов-Разумник. Творчество и критика*. СПб., [1911]. Т. 2. С. 80—109. Подробнее см. также: *Обатнина Е. Р.* Материалы А. М. Ремизова в архиве Р. В. Иванова-Разумника // *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год*. СПб., 2002. С. 3—23.

¹⁷ *Кодрянская Н.* Алексей Ремизов. С. 127—128.

Следует заметить, что принципы мировосприятия самого Иванова-Разумника с начала революции претерпели кардинальные изменения. Если в 1913 году он заявлял о своей неколебимой приверженности «жизни по-сю-сторонней, имманентной, земной», о «“приятти мира”», плоти и крови, всего живого»¹⁸, то спустя четыре года его философия переориентировалась на трансцендентные идеалы и неохристианскую символику. Мифологическое обличие этого мировоззрения, требующего от человека подчинения революционному вихрю, известно в ремизовском изложении: «...как твердил Иванов-Разумник, скифский вихрь, буря — пьянящая китоврасова музыка — безумье, когда все ни на что, а так — рывь, колебание мира, и все эти взвихнутые вертящиеся в вихре палочки — танец бурь, танец битв, крутящейся крути все круче и круче — танец революции»¹⁹. Сам Ремизов к революционному «циклону» относился без иллюзий, демонстративно манифестируя принцип личного самостояния: «Одно хочу я, раз уж такая доля и я застигнут бурей, и я, беззащитный, брошенный среди беспощадной бури, я хочу под гром грозы и гремящие вихри, сам, как вихрь, наперекор <...> я свободный — свободный с первой памяти моей, и легок, как птица в лете, потому что у меня нет ничего и не было никогда, только это вот — еще цела голова! — да слабые руки с крепкими упорными пальцами <...> я наперекор взвиву теснящихся вещей, с которыми срошен, как утробный, продираясь сквозь живую, бьющуюся живым сердцем толчею жизни, я хочу этой же самой жизни, через все ее тысячекратные громы под хлест и удары в отдар — прокукурекать петухом»²⁰.

В хронологическом контексте «Взвихрѣнной Руси»²¹ оба высказывания объединены рамками главы «Медовый месяц» (датированной 27 февраля — 1 июня 1917 года). Здесь впервые у Ремизова появляется мифологическая самоидентификация — «бескрылый», указывающая на «земляной» генезис: «...чтобы не растеряться и быть самим под нахлывающей волной в неслыханном взвие вихря. <...> Да, я бескрылый, слепой, как крот, я буду рыть, рыть...»²² Тема «бескрылости» возникает у писателя как отклик на образ «всесветного Мещанина», придуманный Ивановым-Разумником и, по видимому, неоднократно использованный критиком в частных беседах, а также в «скифском» манифесте, опубликованном в пер-

¹⁸ *Иванов-Разумник*. Заветное. О культурной традиции. Статьи 1912—1913 гг. Пб., 1922. С. 119.

¹⁹ *Ремизов А. М.* Собр. соч. М., 2000. Т. 5: Взвихрѣнная Русь. С. 58.

²⁰ Там же. С. 76.

²¹ Впервые: Эпопея. М.; Берлин, 1922. № 2; под названием: Всеобщее восстание. Временник Алексея Ремизова. 2. Орь. 27 II—1/VI—1917.

²² *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 5. С. 51.

вых «Скифах»²³. «Бескрылый и серый», поклоняющийся «духу Компромисса», «мещанин» представлен здесь антиподом «скифа», преисполненного духа революционных свершений²⁴.

Разногласия между писателем и «предводителем скифов»²⁵, обозначившиеся столь очевидно еще весной, приняли резкие формы осенью 1917 года. Косвенно они зафиксированы в дневнике и литературном хронографе Ремизова. 15 сентября он констатирует: «Приходил Разумник и Пришвин. А вихрь выше поднимется. И будет кружиться, темный»²⁶. Начало главы «Ростань», локализованной на временном отрезке с 10 июля по 25 октября 1917 года, звучит как продолжение разговора с незримым оппонентом: «А знаете, все это неправда или не вся — и если говорить по самой правде — этот вихрь, и есть то, в чем я только и могу жить. Только мне так мало сил отпущено и я просто по верному житейскому чутью отбрыкиваюсь от всякого “движения”»²⁷. Между тем Ремизов являлся полноправным участником обоих альманахов. Однако показательно, что в первом сборнике, который вышел в печать 1 августа 1917 года, его публикация (драматическая пьеса «Ясня») носила внеполитический и вневременной характер. Во втором же сборнике, изданном в конце декабря, были опубликованы «Слово о гибели Русской Земли» и рассказ «Gloria in excelsis» — тексты, выражавшие подлинное отношение писателя к современной действительности и явно не отвечавшие «скифскому» революционному максимализму²⁸. Более того, именно в контексте сборника

²³ Программный документ «скифства» («Скифы (Вместо предисловия)»), которым открывался первый одноименный сборник (Пг., 1917), был подписан коллективным псевдонимом «Скифы»; автором первой части был С. Д. Мстиславский, второй — Иванов-Разумник. Машинопись второй части (с авторской правкой) под названием «Скифское» датировалась июнем 1917 г. См.: ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. № 124.

²⁴ Ср. письмо Иванова-Разумника к Белому от 5 мая 1917 г.: «А о революции “духовной” — многие ли думают и говорят? Многие ли — подлинно революционеры духа?» (Андрей Белый и Иванов-Разумник: Переписка. С. 110).

²⁵ Этими словами П. Губер озаглавил статью, посвященную Иванову-Разумнику. См.: Наш век. 1918. № 27, 17 февраля. С. 5; под псевд. П. Арзубьев.

²⁶ Ремизов. А. М. Собр. соч. Т. 5. С. 479.

²⁷ Цит. по: Ремизов А. Ростань. (Из временника 17-го года). 10—VII—25 X // Воля России. 1924. № 1, 1 января. С. 53. Текст главы впоследствии был включен Ремизовым в состав романа «Взвихренная Русь» под названием «Москва». См.: Ремизов. А. М. Собр. соч. Т. 5. С. 119.

²⁸ Иванов-Разумник считал необходимым публикацию нового произведения Ремизова в «Скифах». Ср. письмо к Андрею Белому от 9 сентября 1917 г.: «Мое мнение — именно в “Скифах” надо напечатать это великолепное “Слово”, глубоко реакционное не по внешности, по глубокой внутренней сущности» (Ремизов А. Ростань. (Из временника 17-го года). 10—VII—25 X, цит. по: Ремизов. А. М. Собр. соч. Т. 5. С. 139).

«Скифы» ремизовское «Слово...» воспринимается тем самым криком петуха, разгоняющим всякую мировую нечисть, который раздается «под хлест и удары в отдар»²⁹. Духовный перелом, произошедший в сознании писателя, совпал с крупозным воспалением легких, протекавшим с 24 сентября по 4 октября 1917 года³⁰. Тяжелая болезнь в буквальном смысле поставила Ремизова на грань жизни и смерти. Выходом из этого не только физического, но и поистине метафизического испытания стало создание «Огневицы» (поэма была завершена 10 октября³¹), в которой писатель окончательно противопоставил себя «скифам»³².

Поэтику и содержание поэмы составляет лихорадочное, бессознательное и подсознательное столкновение мыслей и символов. Образы огня, вихря, полета, которыми насыщена вся поэма, созвучные революционной мифологии «скифства», Ремизов наполняет своим собственным содержанием. И само название поэмы, и ее первая часть, посвященная предсмертным мукам («пламенем я умылся», «голова моя, как старая моя спиртовка, подожжена с концов, пылает, — вот разорвет»; «горю в огне»; «лежу я, свернувшись,

²⁹ Ср.: «Петушиный крик, прогоняющий тьму, нечисть, смерть и возвещающий наступление утра, света, жизни, явно соотносится и с главной идеей “Слова о погибели русской земли” <...> *смерть и воскресение России*» (Доценко С. Проблемы поэтики А. М. Ремизова: Автобиографизм как конструктивный принцип творчества. Tallinn, 2000. С. 114).

³⁰ Судя по дневнику писателя, внезапная болезнь возникла на фоне глубокого и трагического переживания разгрома корниловского мятежа. Не случайно в первой печатной редакции поэмы снято упоминание имени Бориса Савинкова — непосредственного организатора восстания армии Корнилова.

³¹ Точная дата создания определена по авторской датировке в третьей печатной редакции «Огневицы» в составе сборника: *Ремизов А.* Огненная Россия. Ревель, 1921. С. 58. Впервые поэма появилась в печати на страницах газеты «Дело народа» (1917. № 187, 22 октября), в рамках литературного приложения к газете «Литература и революция» (№ 10. С. 5), формированием и редактированием которого занимался Иванов-Разумник. Спустя два месяца «Огневица» вновь была напечатана в «Деле народа» (с примечанием о републикации из № 187), однако уже помешалась в ряду основных колонок этого издания (1917. № 241, 24 декабря. С. 3—4). Далее текст поэмы цитируется по этой публикации.

³² Ср.: «Чтобы почуять, “какого духа” суть наши большевики, вовсе не надо обширного политического опыта и образования. Вот Алексей Ремизов. Кажется, не хитрый политик, а понял. <...> Понял, да не совсем. Гораздо приятнее было бы прочитать его красноречивое “слово о погибели Русской земли” где-либо в другом месте, а не в том же сборнике “Скифы”. Слишком уже явственно раздается на других страницах этой книги “крик обезьяний”, подслушанный самим Ремизовым среди победных гимнов нашей революции» (Арзубев П. Предводитель скифов // Наш век. 1918. № 27, 17 февраля. С. 5). «Антискифская» позиция во многом объясняет тот факт, почему писатель отдал и «Огневицу», и «Слово...» не в «Народоправство», а Иванову-Разумнику.

в горящий комок — последняя головня»), до некоторой степени являются суггестивными проекциями на метафору «испытание огнем», поставленную в заголовок статьи Иванова-Разумника в первом сборнике «Скифов»³³. Мотив противостояния огненной стихии и проблема объективации собственной воли переданы в «Огневице» лейтмотивной фразой: «И я ищу такую точку, так скорчиться мне и извиться, чтобы упереться и откашлянуться. Ржавь меня душит».

В преломлении горячечных видений возникает образ, весьма напоминающий мозаичные и живописные изображения одного из первых христиан — святого Себастьяна: «Я весь в белом, золотая стрела пронзает мне левое ухо, и другая стрела в правом боку, и третья вонзается в самое сердце. Три гвоздя вбиты мне в голову и лучами торчат поверх головы, как корона»³⁴. Римский легионер, капитан лучников Себастьян, который принял христианство и стал обращать в свою веру других, был казнен по приказу императора Диоклетиана. Лучники, привязав своего командира к дереву, выпускали в него стрелы до тех пор, пока не сочли его мертвым. Тема «расстрела» в поэме напрямую восходит к словам из «скифского» манифеста: «Пусть торжествует в настоящем всесветный Мещанин: смех его смешан со злобою и опасением. Ибо чует он, что и личина Эллина не поможет ему скрыть свое лицо, ибо знает он, что стрела Скифа — его не минует»³⁵. Обращая переносный смысл метафоры Иванова-Разумника в прямое действие (тем самым фактически отождествляя критика с Диоклетианом), Ремизов, очевидно, вполне отдает себе отчет в том, что со своим ужасом перед разрушением традиций, веры и нежеланием принимать «очищение» огнем и кровью он оказывается в стане врагов «скифства».

Обрывки воспоминаний, кружащиеся в сознании охваченного «огневицей» человека, доносят многоголосье недавних реальных жарких споров о судьбе России. Один из кошмарных снов, очевидно, воспроизводит психологическую ситуацию дискуссий сре-

³³ *Иванов-Разумник*. Испытание огнем // Скифы. Пг., 1917. Сб. 1. С. 261—304.

³⁴ Существует устойчивая традиция изображения святого Себастьяна. Обрисованный Ремизовым образ совмещает в себе, с одной стороны, приметы ранних мозаичных изображений святого, сохранившихся в нескольких римских базиликах, которые запечатлели образ взрослого мужчины в белой тоге с нимбом над головой. С другой стороны, ремизовский экфрасис воспроизводит детали канонического описания духовного подвига Себастьяна с живописных полотен XIV—XIX вв., представляющих привязанного к дереву или колонне полуобнаженного молодого человека, тело которого пронзает множество стрел. Вместе с тем «три гвоздя», вбитые в голову, актуализируют аллюзии к теме распятия Иисуса Христа.

³⁵ *Скифы*. Скифы (Вместо предисловия) // Скифы. Пг., 1917. Сб. 1. С. XII.

ди «скифов», когда предостережение заглушается проповедью: «И опять кричу: — Не берите руками горящие предметы, горячо, обожжетесь! *Но моего голоса не слышно* (курсив мой. — Е. О.). А Разумник с пудовым портфелем, как бесноватый из Симонова монастыря. — Это вихрь, — кличет он, — на Руси крутит огненный вихрь. В вихре сор, в вихре пыль, в вихре смрад. Вихрь несет весенние семена. Вихрь на Запад летит. Старый Запад закрутит, завьет наш скифский вихрь. Перевернется весь мир. И у кого есть крылья...» Воспроизведение в поэме пламенных пассажей Иванова-Разумника является документальным свидетельством того, что обсуждение темы «крылатых и бескрылых» возникает задолго до статьи «Две России», которую следует воспринимать не только как отклик на «Слово о погибели Русской Земли», но и как реакцию на «Огневицу».

Хотя в своей критической работе Иванов-Разумник совершенно обходит содержание «Огневицы», тем не менее он использует переложение собственных мыслей о революционной стихии в поэме как ключ к объективации разногласий с Ремизовым: «...глубоко враждебны ему <Ремизову> слова, приводимые им в теперь же написанной “Огневице”»: “*На Руси крутит огненный вихрь <...>. Перевернется весь мир*”... Враждебен ему этот вихрь — старые, староверские, исконные, дедовские, любимые ценности сметает вихрь этот; и видит он в нем только сор, только пыль, только смрад — и не видит испепеляющего огня, не видит весенних семян»³⁶. Уже в самом завершении статьи Иванов-Разумник вновь возвращается к тексту «Огневицы», но на этот раз снимает кавычки и тем самым авторизует цитируемый текст, используя его как повод для более широких обобщений: «Да, на Руси крутит огненный вихрь. В вихре сор, в вихре пыль, в вихре смрад, Вихрь несет весенние семена. Вихрь на Запад летит. Старый Запад закрутит, завьет наш скифский вихрь. Перевернется весь мир. И у кого есть крылья — тот перелетит в Мир Новый»³⁷. Изложение «скифского» кредо завершается метафорическим образом «утиного стада», заимствованным из очерка Андрея Белого «Песнь Солнценосца»³⁸: «Бескрылые же утки Старого Мира сметены будут вихрем и разбиты о камень мировой революции. <...> Борьба бескрылых с крылатыми — история Мира, история человечества, история революции. И этой борьбой разделены мы все теперь несоединимо. Два стана, два завета, две правды, две России»³⁹.

³⁶ Иванов-Разумник. Две России. С. 208. Курсив мой.

³⁷ Там же. С. 231.

³⁸ См.: Белый Андрей. «Песнь Солнценосца» // Скифы. Сб. 2. С. 6—10. Статья предваряла публикацию одноименной поэмы Н. Клюева.

³⁹ Иванов-Разумник. Две России. С. 231.

Ремизовская «Огневица» впервые увидела свет в печатном органе, редактируемом Ивановым-Разумником. Однако создается впечатление, что критик не услышал протестующего голоса писателя, упорно продолжая и в «Двух Россиях» говорить о Ремизове как о своем союзнике, подобно другим «скифам», «взыскующим Града Небесного». Между тем писатель предъявляет в «Огневице» совершенно иную аксиологию, отличную от символических неохристианских форм, так широко эксплуатируемых многими представителями отечественной интеллигенции начала XX века: вместо «Града Небесного» — реальная Россия, вместо лучезарного будущего — страшная современность. Признавая собственную «бескрылость», Ремизов настаивает на своей особой, «земляной» природе, обусловленной кровными узами с матерью-землей. Не случайно он начинает «Огневицу» с утверждения: «...я — кость от кости, плоть от плоти матери нашей бесчастной Руси». Уже самое первое видение, описанное в поэме, определяет все ее содержание — это «страсти» по родине, «сораспятие» с истязаемой Русью: «Распростертый крестом, брошен лежал я на великом поле во тьме кромешной, на земле родной». Все драматическое развитие истории души в поэме построено на противоречии между стремлением «окрылиться», то есть подняться над земными страданиями во имя близкого или далекого будущего, и невозможностью снять с себя личную ответственность перед гибнущей Россией. Таким образом, тема личной вины понимается здесь как личная проблема невозможности отрешиться от своей «земляной» сущности. Поэтому и само возвращение души к земной жизни автор расценивает как попытку искупления собственной вины — возвращением к страстному «кресту», который он должен нести: «Один виновен — один и должен нести».

Заявленная в «Огневице» тема «индивидуальной вины» человека своим глубинным смыслом обращена не столько к христианской догматике, оперирующей понятием «первородного греха», сколько к учению древнегреческой секты орфиков (VI в. до н. э.), известному по различным переложениям и интерпретациям, которые указывают на преемственность двух традиций⁴⁰. Основу поэмы составляет архетипический сюжет восхождения и нисхождения

⁴⁰ См.: Трубецкой С. Н. Метафизика в Древней Греции. М., 2003. С 75—80; Глаголев С. Греческая религия. Сергиев Посад, 1909. Ч. 1: Вераования. С. 241—259; Брикнер М. Страдающий бог в религиях Древнего мира. СПб., 1909; Гомперц Т. Греческие мыслители. СПб., 1911. Т. 1. С. 75, 113; Рейнак С. Орфей: Всеобщая история религии. СПб., 1913. Кн. 1; Пфлейдерер О. Подготовка христианства в греческой философии. СПб., 1908. С. 5; Иванов Вяч. О Дионисе Орфическом // Русская мысль. 1913. Кн. 11, ноябрь. Разд. II. С. 70—98.

души, совершающей путь в потустороннее⁴¹. В орфических рапсодиях грешная душа стремится очиститься от скверны земной жизни, многократно проходя путь нисхождения и восхождения, поскольку она оказывается неспособной вырваться из круга перерождений и обречена постоянно возвращаться в человеческое телогроб. Сторонники этого мистического движения объясняли греховность человеческой души двойственностью ее происхождения — от страдающего бога Диониса Загрея, с одной стороны, и титанов, воплотивших в себе идею богоборчества, — с другой⁴². Разъясняя смысл орфической идеи, Вяч. Иванов писал: «Вина эта очевидна: она в обособленном, эгоистическом, “титаническом” самоутверждении человеческого я (“тело — организованный эгоизм”, утверждает Вл. Соловьев вполне в духе орфиков и Анаксимандра), в метафизическом свободном приятии душою “принципа индивидуации”, в воле к отдельному бытию; этою волею она продолжает грехопадение “предков законопреступных“, т. е. титанов. Грех души, по орфикам, — ее личное самоопределение»⁴³.

Ремизов контаминирует орфическую тему с евангельской: выздоровление-«воскрешение» свершилось в воскресный день («В воскресенье поднялся я, робко пошел на своей костяной ноге»), однако, вопреки евангельскому сюжету, его «воскрешение» является не пасхальным праздником, а, наоборот, — началом «крестного пути». Душа, согласно орфическому учению, возвращается для дальнейшего совершенствования. Таким же образом — как абсолютное проявление индивидуальной воли — описывает Ремизов свое восхождение на «вершину». По существу, это самый патети-

⁴¹ Ср.: «Рождение свершилось, появилось жалкое земное существо, кричащее от ужаса. Но небесное воспитание вошло в сокровенные глубины Бессознательного. Оно оживет лишь через познание или через скорбь, через любовь или смерть! Так раскрывает перед нами закон *воплощения* и *развоплощения* истинный смысл жизни и смерти. Он составляет основную базу в эволюции души, и позволяет нам следить за нею в обоих направлениях до самых глубин природы и божества» (*Шюре Э.* Великие посвященные: Очерк эзотеризма религий. Калуга, 1914. С. 77).

⁴² Ср.: «Судьба человека — та же, что участь бога страдающего. Только человек не весь от Диониса: его низшая природа — “титаническая”, хаотически богоборствующая. Восстав против божественного всеединства, он утверждает свою отчужденную самость и постольку противится дионисийскому пробуждению к самоотдаче жертвенной. Он замыкается на своей индивидуальности, “хочет спасти свою душу”. Так задерживает он себя в “узах” <...> или “гробнице” тела» (*Иванов Вяч.* О Дионисе Орфическом. С. 77). Ср. мотив мольбы о спасении в «Огневице»: «Лежу под огненным покровом. — Матьер Божия, спаси, спаси! — слышу неотступно и жарко!»; «— Спасите! — Спасите! Меня! — простер я руки мои к белой серой стене. И сорвался».

⁴³ *Иванов Вяч.* О Дионисе Орфическом. С. 93.

ческий момент путешествия души в высших сферах потустороннего мира: «Я знаю, я прошел через землю, сквозь самые недра, через огонь, я был в царстве звезд и от звезд в звездном вихре за звезды на небесах. Я прошел все мытарства, я сторел на огне моей боли и смертной тоски, я взойду на вершину».

Мистерия перерождения души завершается в «Огневице» трагедией: «И вот, как от удара, сшибло, и я упал». Душа, воспарившая к высотам небесных сфер, так и не смогла отрешиться от земного греха. Словно натолкнувшись на нечто твердое⁴⁴, она окончательно изменяет траекторию восхождения к бессмертию на траекторию нисхождения. Путь на землю сопровождается видением, которое на мгновение переносит ее на «пустынный остров»: «...я лежу на жарине в бруснике и правое крыло мое висит разбито». Этот микросюжет содержит коннотацию с так называемыми «блаженными островами», где, согласно орфикам, душа, очистившаяся от земных грехов, живет беззаботно и счастливо, не испытывая ни физических, ни душевных мук⁴⁵. Кроме того, эпизод напрямую соотносится с конкретной жизненной ситуацией лета 1910 года, напоминающей о летнем отдыхе Ремизова на одном из «пустынных островов» Балтийского моря в дружеской компании с Ивановым-Разумником, когда в их взаимоотношениях не было даже тени расхождений: «Свет светит и небо без облачка чисто — я лежу у моря на жарине. Пустынный остров — Аландские острова»⁴⁶.

Новое воплощение бессмертной крылатой души происходит постепенно — через отмирание крыльев. В конце концов, когда душа возвращается в тело-темницу, происходит рождение нового тела («я лежу на земле, обтянутый сырой перепонкой»), но теперь

⁴⁴ Ср.: «...если же она (душа. — Е. О.) теряет крылья, то носится, пока не натолкнется на что-нибудь твердое, — тогда она вселяется туда, получив земное тело, которое благодаря ее силе кажется движущимся само собой; а все вместе, то есть сопряжение души и тела, получило прозвание смертного» (*Платон. Федр.* С. 182).

⁴⁵ См.: *Глаголев С.* Греческая религия. Ч. 1. С. 241.

⁴⁶ Автор анонимной заметки, напечатанной 5 сентября 1910 г. в газете «Утро России», по-видимому, со слов Ремизова сообщал: «А. М. Ремизов, проведя некоторое время в течение этого лета в Финляндии, поселился на небольшом пустынном острове Вандрок (в группе Аландских островов) в нанятом доме, в семействе г. Иванова-Разумника. Остров совершенно безлюдный, жителей — один рыбак. Густой лес, скалы и песок. Много грибов и брусники и... ни следа цивилизации. Нет ни почты, ни лавок, ни аптеки, ни врачей. Провизию добывали с мимо идущих пароходов. За лето А. М. Ремизов написал большую повесть “Крестовые сестры”, которая пойдет в ближайшем альманахе “Шиповника”» (*Утро России.* № 242. С. 4). См. также реакцию на эту публикацию Иванова-Разумника: *Письма Р. В. Иванова-Разумника к А. М. Ремизову (1908—1944).* С. 42.

это уродливое и несчастное хтоническое (земляное) существо. О свершившейся трагедии падения крылатой души осталось лишь горькое напоминание — «и не разбитое крыло, прячу я за спиной мою переломанную лягушину лапку». Высокая мистерия завершается трагедией: в историю перерождения души вмешивается Баба-Яга. По своей мифологической функции эта известная представительница русского фольклора является проводником в царство мертвых: она способна «оборачивать» людей в животных и обратно, а ее костяная нога, которой она пожертвовала, подменив лягушину лапку героя, считается признаком мертвеца⁴⁷. Эта деталь дополнительно подчеркивает «полуживое» состояние души, вернувшейся на землю: «Белый свет — благословен ты, белый свет! — а мне больно смотреть».

Описывая мистериальный опыт преображения «Я», Ремизов открывает для себя новый путь индивидуализма. Опорой для возникновения такого мировоззренческого ракурса, очевидно, служит глава из «Заратустры» Ф. Ницше, «О мечтающих о другом мире», где утверждается единственная «мера и ценность вещей», «самое верное бытие» — «Я». Это «я — говорит о теле и стремится к телу, даже когда оно творит и предается мечтам и бьется разбитыми крыльями»⁴⁸. В контексте жарких споров о нравственных законах в революционную эпоху неохристианский идеал «Града Нового» ассоциируется у Ремизова с тем «другим миром» — «обесчеловеченным» и «бесчеловечным», «составляющим небесное Ничто», о котором говорил богоборец Ницше⁴⁹. Опыт восхождения и нисхождения открывает Ремизову знание о потустороннем мире: приобщившись к «небесным», он чуть было не стал «крылатым» и тем не менее, благодаря преображению, окончательно осознал свою «земляную» природу. Антиномия «земляное» — «небесное» наполнена в «Огневице» полемическим подтекстом, обращенным против философии духовного революционаризма, пренебрегающего страданиями земного человека, ради идеала «Града Небесного».

⁴⁷ См.: *Пронн В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. СПб., 1986. С. 69—71.

⁴⁸ *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого / Пер. Ю. М. Антоновского. СПб., 1911. С. 23

⁴⁹ Подробнее о ницшеанских мотивах в «Огневице» см.: *Обатнина Е. А. М. Ремизов: Личность и творческие практики писателя.* М., 2008. С. 52—57.